

СЛОВО, необходимое России сегодня

Недавно книжное издательство «Верхняя Волга» (Ярославль) при содействии Государственного комитета РФ по печати выпустило в свет первый том публицистики Александра Солженицына. Тираж книги невелик — всего 10 тысяч экземпляров. Однако на ее презентации в московском Доме Цветаевой директор издательства Владимир Кутузов заявил, что и этот, и последующие три тома по мере их распространения будут допечатаны дополнительным тиражом.

Несколько лет назад фонд Джорджа Сороса «Культурная инициатива» организовал путешествие по Волге. На теплоходе встретились Сергей Залыгин, редактор «Нового мира», в котором печатались произведения А. Солженицына, и ярославец-издатель, не имевший тогда ни типографии, ни штата, но мечтавший выпустить в свет именно публицистику писателя. Итогом того разговора и стал 720-страничный 1-й том самого полного (а в России и первого) собрания публицистики А. Солженицына. В аннотации к книге ее редактор-составитель Наталья Солженицына пишет: «В трех томах, охватывающих период 1965—1994 гг., вплоть до возвращения писателя в Россию, представлены около 200 названий и едва ли все мыслимые публицистические жанры. Отточенная публицистическая проза («Нобелевская лекция», статьи для сборника «Из-под глыб», «Размышления о Февральской революции») и устные импровизации под перекрестным огнем пресс-конференций; выношенные обращения («Жить не по лжи!», «К референдуму на Украине») и внезапные схватки «круглых столов» в прямом эфире; тихие беседы о литературе (со студентами-славистами в Цюрихе, с Н. А. Струве в Париже); громкие призывы в защиту конкретных притесняемых; литературно-критические эссе («По донскому разбору», «Колеблет твой треножник»); предисловия к книгам; острые полемики («Наши плюралисты») и приветственные, благодарственные «Слова»; письма одиночным адресатам и речи перед многочисленными аудиториями — в Гарварде, Лондоне, Нью-Йорке, Вандее; сообщения, заявления, открытые письма, множество интервью (с примечательно широкой географией интервьюеров) — газетам, журналам, телеграфным агентствам, радио- и телевизионным кампаниям».

Составленные Натальей Солженицыной к каждому тексту краткие пояснения об истории написания, первых публикациях лишены какого-либо комментария; по ее словам, не правильно было бы комментировать еще живую публицистику, дляящуюся работу.

Наталья Солженицына, выступая на презентации книги, охарактеризовала весь массив публицистики писателя следующим образом: «Из 196 работ, представленных в трех томах, только 26 написаны до изгнания, т.е. с середины 60-х до середины 70-х годов. Итак, 170 работ написаны на Западе за 18 лет — до возвращения в Россию. Четвертый том будет включать то, что после 1994 г., по возвращении на родную землю, сказано или написано. Комментарий мой состоит в том, что здесь — разительное противоречие с прозвищем, которое мы встретили, когда приехали: очень часто А. И. называют здесь, на родине (не за границей!), «вермонтским отшельником». Ничего себе — отшельник, который в среднем по 10 горящих публицистических работ выпускал в год!»

Принято считать, заметила далее Наталья Солженицына, что у А. И. нет достойных критиков как у писателя, зато его все время комментируют как публициста. Но когда все тома публицистики будут в руках читателей, то каждый, кто их пролистает, поймет, что и как публициста А. И. знают очень мало. Конечно, отдельные его вещи известны, но все вместе будет доступно обзору только по выходе именно этого издания. Как непосредственный свидетель работы писателя, Наталья Солженицына признала совершенно нелепым весьма часто звучащее разделение: что вот,

дескать, есть писатель Солженицын и есть Солженицын-публицист. «Не знаю, есть ли Достоевский «Идиот» и Достоевский «Дневник писателя» — такие суждения говорят только о том, кто их произносит. Потому что, конечно, это совершенно неделимые организмы, это совершенно одно сердце, одно перо, одна страсть и одна преданность — в данном случае, преданность России, и преданность каким-то всечеловеческим идеалам, которые, как ему кажется, русский народ сумел не потерять, — несмотря на довольно жуткую судьбу».

Елена Чуковская, также принимавшая участие в подготовке издания, рассказала, как публицистика рождалась отчасти и на ее памяти. Она вспомнила, что ее поколение читало эти вещи «зачастую в виде стершейся машинописи на папиронной бумаге, но как важно было каждое слово писателя».

Она рассказала, как рождалось «Письмо к IV съезду писателей» — первая публицистическая статья Солженицына, необычная и по содержанию, и по способу вхождения в сознание современников. «Письмо» было заранее подготовлено в сотнях экземпляров, автор обдумал, кому оно будет разослано, причем готовился к этому шагу очень серьезно. В те годы в тетрадке под названием «Если не буду жив» он писал заметки, ставшие впоследствии главами книги «Бодался теленок с дубом». Там, в конце «Письма к IV съезду», признание: «Никуму не перегородить путей правды, и за движение ее я готов принять и смерть». Или в «Письме вождям»: «Не дорожу материальными благами и готов пожертвовать жизнью».

И это не пустые слова, а жизненное кредо, обеспеченное всем пройденным путем писателя и общественного деятеля. Эта книга, считает Елена Чуковская, часть истории России, статьи эти попадали в болевые точки общества и потом так или иначе вошли в сознание современников. Есть в этой книге и наш сегодняшний день: «Кажется, мучителен переход от свободной речи к вынужденному молчанию. Но и обратный переход, ожидающий скоро нашу страну, возраст дыхания и сознания, переход от молчания к свободной речи, тоже окажется и труден, и долг; и снова мучителен тем крайним пропастным непониманием, которое вдруг зинет между соотечественниками, даже袍есниками, даже земляками, даже членами одного тесного круга». Это было написано более 20-ти лет назад!

По мнению Юрия Калякина, публицистика Солженицына уникальна. И если есть ей «какая-нибудь аналогия, то только с «Дневником писателя» Достоевского», — сказал он. — И этой публицистике предстоит, по-видимому, судьба, которая продолжается и у «Дневника писателя», когда художник вырвался в жизнь. Все противоречия, которые вскрываются, снимаются в масштабах художественных, здесь обнажены до предела».

Особая ценность публицистики Солженицына, считает Юрий Калякин, в том, что писателю удается все время «заглядывать за горизонт. Все мы почти страстно желали свержения коммунизма, но никто не думал с такой же страстью и с таким расчетом стратегическим над тем, что будет там, за горизонтом».

Специалист по Достоевскому Людмила Сараскина призналась: без солженицынских «Жить не по лжи!» и «Образованности» ее поколение не состоялось бы, не выжило, не вырабкалось. Еще более значимо, что в том же 1-м томе публикуется и совсем новая статья «Русский вопрос» к концу XX века (1994) — и по этой статье видно: не получается Солженицына «загнать в историю». Он остро современный писатель, и по давним работам, и по недавним выступлениям на ТВ. Это пи-

сатель, приехавший в Россию вовремя — в ту самую пору, когда не хватало его остро и болезненно... Человек безбоязненный, именно он вернул благородный смысл, чистоту и красоту словам: патриотизм, Россия, русский, — в его устах они звучат так, что не стыдно.

Поэт Юрий Кублановский заметил, что статьи Солженицына в сборнике «Из-под глыб» обратили сознание интеллигенции на веховые пути духовно-экзистенциальной свободы, что, впрочем, не отменяло социальной активности. Солженицын первым из русских во второй половине XX века сказал очень точно, что коммунизм — это часть общей болезни цивилизации. Что это не специфическая русская болезнь (как уверял Н. Бердяев), но что это часть идеологии, которая со временем просветительства (Солженицын ее корни уводит еще дальше) господствует в обществе и ведет человечество к глобальному кризису.

По мнению Кублановского, Солженицын — не западник, не славянофил, а глубоко оригинальный русский мыслитель с опытом XX века. И протоиерей о. Александр Шмеман точнее всех назвал его публицистику «эрзячей любовью». В ней нет никаких утопий, имперских фантазий, ставших для России некогда, может быть, столь же роковыми, как фантазии революционно-социалистические.

Необыкновенный универсализм художника и публициста Солженицы-

на в духе предшественников — Герцена, Короленко, всей великой русской литературы — отметил Сергей Залыгин. Он поделился грустным предчувствием, что в духовной жизни России этот писатель — последний универсал, художник, органически соединивший в себе историка, социолога, «тюрьмоведа». Солженицын — писатель удивительно собраный: перечтайте «Один день Ивана Денисовича» и этот том публицистики — и вы убедитесь, что писал все это один человек, и, как признался С. Залыгин, «до сих пор в мои годы я воспитываюсь на его книгах».

Литературовед Игорь Волгин привел параллель между Гогolem, Толстым, Достоевским, которые выламывались из литературы — им ее было мало, и они начинали говорить с аудиторией напрямую: о жизнестроении, о главном в русской жизни. И это — классическая традиция, к которой непосредственно примыкает Солженицын. Он продолжатель этой традиции вмешательства в жизнь и перехода к прямой проповеди. По мнению Волгина, глубокая трагедия состоит в том, что почти одинаково на протяжении уже ста с лишним лет ухо интеллигента слабо воспринимает такого рода пророчества и предупреждения совестливых художников — буквально та же терминология употребляется в оценке значительной части публицистики Солженицына. Как будто за целый век мы ничему не научились и ничего не поняли. Эту книгу очень полез-

А. И. Солженицын.

но перечитывать целиком, заметил Волгин, она разрушает систему мифов, сложившихся вокруг писателя. Речь в этой книге о главном — о нравственном существовании России, о ее государственном существовании. И все это замыкается на глубокое и личное отношение к русской истории.

Председатель Комитета по иностранным делам Государственной Думы Владимир Лукин подчеркнул, что в качестве общественного человека Солженицын всегда с самого начала своего выступления из неизвестности на сцену создавал атмосферу. И крайне удивительно, что — вопреки официозу — он создал свою атмосферу, и именно она одержала победу. Ибо Россия «Солженицына знает и слушает его». Значение имеет не амбициозная мелкая критика, а выступления Александра Исаевича, его публицистика, которая создает атмосферу, и это несомненное проявление вражды с пошлостью и ее апофеозом — жлобством, рождающим самонадеянность и глухую злобную смуту. И дай Бог, чтобы вновь Солженицын победил», — пожелал В. Лукин.

ЛЕВ АЛЕЙНИК

Москва

23.11.95.